

Жил в селе мужичок. Так себе: неказистый, небольшого росточка, неприметный. Звали его Тихон Перепелкин. За калитку он почти не выходил, друзей не имел, жил тихо и незаметно. Зато женушка его, красавица Аринушка, слыла в Калиновке бой-бабой. Связываться с ней боялись даже мужики, любого могла поставить на место. Жили они вдвоем и, к удивлению сельчан, мирно. Единственная их дочь училась в городе на юриста. На выходные она частенько приезжала домой. Провожал ее обычно Тихон. Донесет до автобусной остановки тяжелые сумки, набитые продуктами, и с понурой головой возвращается обратно. Но однажды весной ему самому пришлось ехать в город. Дочь то ли экзамен завалила, то ли боялась, что не сдаст, но ей срочно понадобились деньги. Вот и отправила Аринушка муженька в город: «Гляди, деньги не потеряй! Спрячь подальше. Рот не разевай! На обратном пути заедешь на рынок, купишь домой колбасы копченой, сыра и рыбки красной», — приказала она. И Тихон уехал.

Не любил он города. Дышать в нем трудно и свободы нет. «Как Валюха его переносит?» — удивлялся Тихон. А больше всего не любил современных новшеств — автоматов, продающих билеты в метро. Да и метро тоже не любил и предпочитал ездить на автобусе. «Ну и пусть дольше ехать, зато город посмотрю», — рассуждал он, примостившись на переднем одиночном сидении. Постепенно в автобус набился народ, и стало не до городских красот. Все пыхтели, вздыхали, суетились. Ворчала кондуктор, отоваривая вошедших билетиками.

— Вот мужики пошли! — вдруг послышался рядом с Тихоном злой женский голос. — Женщина стоит, а он на переднее сидение уселся и делает вид, что не замечает!

Он обернулся и увидел толстую женщину в синем пальто и красной шляпе. Ее глаза метали молнии. Тихону казалось, что она сейчас вцепится в куртку своими красными когтями и будет трясти его, как грушу. Он быстро соскочил с сидения и, держась за поручни, на всякий случай отодвинулся от нее подальше. Сине-красная плюхнулась на кресло, при этом не забыва произнести ядовито: «Нахал!». Тихон еле дождался своей остановки и, как ошпаренный, выскочил из автобуса. Ему казалось, что все осуждающе смотрят ему в след. «Ну и пусть. Они меня не знают, и я их больше не увижу», — пытался успокоить себя. Зазвонил сотовый: «Пап, ты доехал? Я сейчас прибегу. Будь на остановке!»

Валюшка появилась быстро. В белом пальто и белых сапожках, словно прекрасная фея, она шла к нему по узкой аллейке. «Красивая у нас Валюха. Лицом вся в мать», — с гордостью подумал он, тут же забыв о своих печалях.

— Пап, ты не обижайся, но я спешу. Мне до двенадцати нужно отдать деньги, иначе мне не засчитают экзамен, со всеми вытекающими последствиями.

Тихон сразу представил эти последствия и торопливо затараторил:

— Конечно. Что мне обижаться, ты, главное, реши эту проблему! Нельзя сейчас

без образования! Никак нельзя,— поцеловав на прощание дочь, отправился на городской рынок, выполнять заказы жены.

Рынок встретил его ароматами специй и запахом только что испеченных пирожков. «Сейчас куплю все, что приказала Арина, и тогда полакомлюсь пирожками»,— решил он и пошел по рядам, деловито рассматривая товар. Чего там только не было! Свежая зелень, умело разложенная небольшими пучками, рядом примостились помидоры и огурцы. Чуть поодаль красовались желтые апельсины, за ними — мандарины и яблоки. Он дошел до колбасных рядов и, перепробовав многие виды, наконец, выбрал нужную. То же проделал и сыром. Самым сложным оказалось выбрать рыбу, но и с этим ему удалось справиться. Закончив с покупками, Тихон отправился за пирожками в небольшое кафе с яркими надписями и красивыми картинками на стекле.

Народу, к удивлению Тихона, в кафешке не оказалось. Некоторое время он постоял у прилавка, по-хозяйски рассматривая цены. Выбрав самсу, пирожок с ливером и ароматное капустино, уселся за столик, предвкушая трапезу. Отхлебнув глоток горячего напитка, Тихон заметил, что дверь отворилась, и в помещение зашел мужчина лет сорока в модной прошитой серой куртке, темно-синих джинсах и с красивым, с золотой застежкой, портфелем в руках. «Наверное, ученый какой-то или состоит в руководстве завода»,— подумал он. Завод за высоким забором и огороженный колючей проволокой находился неподалеку. «Нет, все-таки, ученый!» — и стал исподтишка наблюдать за вошедшим. Незнакомец, купив два пирожка, салат и кофе, уселся за соседний столик. Тихон заметил, что он чем-то расстроен. Мужчина открыл портфель и стал в нем рыться, но, не отыскав желаемого, раздраженно бросил его на рядом стоящий стул. Кривая ухмылка скользнула по лицу. Вздохнув, достал из внутреннего кармана куртки дорогой телефон. Тихону показалось, что «ученый» вовсе забыл, зачем он сюда пришел. Наконец, положив телефон на стол, мужчина принялся за еду.

— Поди, кофе остыл, пока искали,— посочувствовал Тихон. Ему жутко захотелось поговорить с умным человеком.

Мужчина мимолетно взглянул на него и тихо ответил:

— Ничего страшного...

— У вас неприятности?

— Да есть небольшие,— теперь он более внимательно оглядел Тихона.— А вы случайно не знаете, где в вашем городе можно найти недорогую гостиницу? — спросил незнакомец.— Мне нужно всего на пару дней. Я пытался сейчас поискать, но дороги очень... Мне они пока не по карману.

— Не, я сельский. В Калиновке живу, к дочери приехал. Вот с пирожками пережидаю время. В четыре часа автобус, с ним и уеду.

— Я так и подумал... На всякий случай спросил.

— А вы что, по делам приехали? Или по поводу какому? — снова пристал с вопросом Тихон.

— В командировку, на ваш завод... Да вот беда, обокрали меня,— разоткровенничался мужчина.— Из портфеля папку вытащили. А в ней карта, пропуск, проездные и командировочные. Хорошо что телефон и портмоне с паспортом в куртке лежали.

— Ох, какая беда! Аккуратней нужно. Народ теперь пошел ушлый. Все норовит поживиться за счет других. Мне Ариша строго-настрого приказала «рот не разевать».

— Ну, вот и получается, что я его-то и раскрыл. Со мной такого не случалось. В портмоне всего пять тысяч, на них двое суток в чужом городе не проживешь.

— А вы бы своим сообщили. Пусть пришлют. Надо же человека выручать, с каждым может произойти.

— Позвонил в свой отдел, сообщил о пропаже. Пообещали в течение суток оформить новые документы и переслать в приемную на завод. За сутки они не управ-

вятся, с пропуском волокита будет. Я его неделю оформлял. А жену мне не хочется тревожить. Сердце у нее больное, переживать начнет. Да и банковской карты тоже нет,— он развел руками,— украл.

Тихон задумался. «А если бы меня обокрали, чтобы я делал?» — он непроизвольно потрогал внутренний карман. Его тысяча лежала на месте.

— А знаешь, поехали к нам в село,— неожиданно для себя предложил он.— Все-го-то час езды. Поживешь у меня, пока твои документы будут делать. В Калиновке хорошо! — он от удовольствия даже причмокнул.— Свежий воздух, цветы цветут, бабочки летают, птицы поют — живое все, не то, что в городе!

Незнакомец явно не ожидал приглашения и удивленно приподнял брови:

— Вы не шутите? А что жена на это скажет? Вы бы посоветовались сначала с ней. Разрешения спросили. Да и заплатить я не смогу до тех пор, пока деньги не перечислят.

— Не нужны нам ваши деньги. Люди должны друг дружке помогать. Так жили наши родители, и мы так живем, и дети наши по таким же законам жить будут. Мы для них пример! — довольный сказанным, расправил с гордостью плечи.— А жена должна мужа слушать! Аринушка у меня хорошая: хозяйственная, умелая, гостеприимная! И накормит, и напоит...

2

На автостанцию они пришли вовремя. Купив билеты, отправились на четвертую платформу, где повстречали Фedyку Косого:

— Перепелка, а ты что здесь делаешь?

— То, что и ты. В город приезжал, к дочери.

— А это кто с тобой? — он глазами показал на идущего рядом мужчину.

Тихон обрадовался встрече. Федька — трепач, и теперь все село будет знать, что к Перепелкиным приехал большой человек. Он поднял указательный палец и загадочно произнес: «Ученый... Иди, Федька, дай нам пообщаться!»

— Тебя хоть как зовут? — повернувшись к новому знакомому, спросил Тихон.

— Юрий Дмитриевич Курбанов. Работаю в НИИ, кандидат технических наук.

— О, я так и подумал, что ученый. У меня глаз вострый! А меня Тихоном кличут. Фамилия Перепелкин. Человек я простой, без образования. Комбайнером работал. Родился в Калиновке, и умру в ней. А вот дочь в госуниверситете учится на юриста. Сейчас без образования никак не прожить.

Вскоре подошел автобус. Закончив посадку, дежурная отправила его в путь. Всю дорогу Тихон молчал. Зная крутой характер женушки, продумывал, как представить гостя. В голове рождались всякие идеи, но ни одна ему не нравилась. Тогда он решил: «Будь что будет. Выгонит, уйду вместе с ним. Найдем где переночевать»...

Арина находилась в хорошем расположении духа. Недавно позвонила дочь и сказала, что проблему она закрыла. Щелкнула щеколдой калитка, и во двор вошел Тихон вместе с неизвестным мужчиной. «Никак что-то случилось?» — только и успела подумать она.

— Женушка, это Юрий Дмитриевич — большой ученый, кандидат технических наук,— представил гостя муж.— Он несколько дней поживет у нас,— и не требующим возражения голосом добавил,— проголодались мы! Корми скорей!

Арина засуетилась, накрывая стол. Она слышала, как важный гость назвал ее красавицей, и видела, как от похвалы возгордился муженек. И Аринушка расстаралась. Она летала по кухне, готовя разные вкусности. А готовить она умела. Вскоре накрытый белой скатертью стол ломился от яств, а в центре красовалась в красивой бутылке из-под виски вишневка, вынутая из шкафа по случаю приезда дорогого гос-

тя. Сначала беседа никак не клеилась, но выпив по чарочке, разговорились. Юрий Дмитриевич вкратце рассказал, что они в НИИ изобрели прибор, а здесь на заводе проводят его испытания. Что-то у них там не сработало, и он прилетел разобраться. Незаметно под столом Тихон толкнул ногу Курбанова. Он сразу все понял и перевел разговор на другую тему. Спать гостя определили во второй половине дома, разделенной узким коридором.

А по селу уже летела молва, что к Перепелкиным приехал большой ученый, и он будет гостить в Калиновке несколько дней. Некоторые предположили, что это родственник:

— Смотрите, какая Валька у них умная! В университете учится. Вот они, гены!

— Явно родственничек и, видно, по Аришкиной родне, по Бабичевым,— заключили другие. Всем нетерпелось поскорее увидеть приезжего...

— Тиша, как там, в городе? — завела разговор жenuшка, когда они улеглись спать.

— Нормально,— однозначно ответил Тихон, понимая, что этот разговор не приведет ни к чему хорошему.

— Машин, наверно, много?

— Много,— и строго добавил: — Арина, спать пора. Устал я сильно.

— Какого ты гостя нам привез! Все в Калиновке с ума сойдут от зависти,— Тихон чувствовал, как она улыбается.— Ты мне раньше не говорил, что у тебя есть такой знакомый.

Он напрягся, ожидая нового вопроса.

— А на самом деле, откуда ты его знаешь? Вроде и в городе редко бываешь. Может, дочь познакомила?

Тихон стал усиленно сопеть, делая вид, что уснул.

— Ты чего молчишь? — она толкнула его за плечо.

— Сплю я уже, а ты пристаешь с глупыми вопросами,— повысил он голос.

— Тишенька, ты мне ответь, и я отстану. Интересно же!

— С ним в кафешке познакомился, когда он прошлый раз на завод приезжал, вот теперь снова случайно встретил.

— В кафешке?! Ты что, по кафешкам ходишь?

Тихон почувствовал, как напряглась жена. «Ну, все! Сейчас разразится,— успел подумать он и не ошибся.

— Да там только жулики бывают! Откуда ты знаешь, что он на завод приехал? Ты его там видел?! Ты кого в дом привел?!

— Он не жулик, а ученый! Таких по телевизору показывают, а ты сразу «жулик». Радоваться должна, что с умными людьми общаешься и что такой человек живет сейчас у нас.

Арина вскочила с кровати и подбежала к окну, пытаясь что-нибудь разглядеть в темноте.

— А ты его паспорт видел? Может, он тебе наплел с три короба, а ты и уши развесил! Может, он рецидивист, и его ищет полиция?!

Тихон поежился. «А, может, жена и права,— подумал он.— Я и на самом деле не знаю, кто он, и паспорт его не проверял». Ему ничего не оставалось, как соврать:

— Да видел! Отстань от меня, дай поспать!

— Паспорт можно и поддельный сделать,— не унималась жена.— Ну что же ты такой наивный! Вот этот твой «ученый» ограбит нас, будешь тогда знать! — она подошла к двери, слегка ее приоткрыла и заглянула в образовавшуюся щель. Затем на цыпочках вышла в коридор и приложила ухо к другой двери, за которой спал гость. Услышав храп, успокоилась. Вернувшись в дом, плотно закрыла дверь и накинула железный крюк.— Так спокойнее будет! Утром разберемся!

А утром, спозаранку, прибежала кума:

— Мне тут не спалось, я блинчиков по утрянке настряпала. Вот решила вас уго-

стить,— ей, видно, не терпелось узнать, кто же к ним приехал, и она начала издадалека.— Свет у вас что-то до полуночи горел. Аль случилось что?!

Арина сразу поняла, зачем прибежала кума, и решила поддержать игру:

— Гость к нам приехал. За столом долго сидели, да по чарочке выпили.

— Мне тут сорока вечером на хвосте принесла, что гость-то непростой. Вроде, как ученый? Или наврала-то сорока?

— Ты за этим пришла?

— А еще сказала, что он сродник ваш, и вроде как по твоей линии. Правда, что ль?

«Вот наплели»,— подумала Арина и, еле сдерживая улыбку, утвердительно кивнула головой:

— Иди, кума, домой! Некогда мне! Завтрак нужно готовить, скоро «мои» проснутся, а я еще ничего не сварила,— и, довольная собой, отправилась на кухню.

Сначала проснулся Тихон. Услышав, что на плите что-то скворчит, жарится и кипит, понял, что жenuшка успокоилась. Незаметно подкрался к ней сзади и обнял за талию.

— Э-эх, «ученый!» И когда же ты у меня поумнеешь? — уже более миролюбиво произнесла Арина, мешая ложкой что-то в сковородке.— Иди, умойся. Скоро гость проснется, будем завтракать.

За завтраком Арина внимательно наблюдала за Юрием Дмитриевичем. «Ест акkuratненько. Вилку с куском в рот сразу не тянет, а странно так закручивает. Интеллигентный! Надо про семью разузнать,— решила она и с деревенской хитринкой спросила вроде невзначай:

— Тиша, а Валечка не говорила, приедет домой на выходные?

— Не успел спросить, торопилась она.

— Дочь у нас в городе учится,— объяснила гостю.— Переживаю за нее. Вот уже на третьем курсе. Закончит и в село, наверно, не вернется. Одним нам век свой доживать придется... А у вас, Юрий Дмитриевич, дети есть?

— Как же, есть, конечно. Сын, одиннадцать лет. Митькой зовут,— вытирая салфеткой рот, ответил гость.

— Такой маленький?! — удивилась Арина, явно намекая на его возраст. Юрий Дмитриевич все понял:

— Женился я поздно. Все учился: сначала в Политехе, затем в аспирантуре, защищался. С Людой в аспирантуре познакомился. Женились после защиты. А потом она заболела,— он замолк. Напряженная тишина повисла в воздухе.— Обычный сезонный грипп, а осложнение дал на сердце. Вот поэтому, Арина Петровна, Митька у нас еще маленький. Любопытный растет,— он засмеялся.— Барометр я как-то из Праги привез. Сыну лет пять тогда было. Прихожу с работы, а он над ним колдует. Весь разобрал, а потом собрал. Смотрю, шуруп лежит на столе. А шуруп, спрашиваю, откуда? «Он лишний»,— ответил сын.

— А с барометром что? — забеспокоился Тихон.

— Работает, только все наоборот показывает,— Юрий Дмитриевич снова засмеялся.— Я мальчика в кружок технический при Доме творчества определил. Тяготееет он к технике.

— А жена как? — сочувственно спросила Арина.

Но гость не успел ответить. Зазвонил его сотовый:

— Слушаю Степан Аркадьевич!.. Хорошо... Спасибо!.. А пропуск?.. А завтра точно будет готов?.. Ну, отлично!

Юрий Дмитриевич отключил телефон:

— Документы сегодня к обеду перешлют, а пропуск готов будет только завтра. Так что я могу вечером уже уехать. И так вам суеты доставил.

За столом наступила тишина.

— Нет уж, Дмитрич, вот как пропуск перешлют, так поедешь! — вдруг реши-

тельно заявил Тихон.— Что ты в городе делать будешь? Город, он того, денег требует! Да и всяких отщепенцев там полно, того и гляди в карман залезут. Правда, Арина?!

— Конечно, оставайтесь, Юрий Дмитриевич!

3

После отъезда Курбанова грустно стало в доме Перепелкиных. Тихон видел, что женушка заскучала. «Вот баба! Ученого ей подавай!» — в нем проснулась давно забытая ревность и обида. Он сел на бревно подальше от глаз жены на заднем дворе и стал вспоминать молодость.

Арину он знал с детства. Они жили на соседней улице и часто играли вместе в казака-разбойника или в лапту. Темноглазая, озорная, с непослушными кудряшками на голове, она казалась ему не такой, как все девчонки в селе. Аришка никогда не плакала, даже когда разбивала коленки до крови. Она не жаловалась родителям, если ее кто-то обижал. Уже тогда она могла дать отпор мальчишкам, и за это они ее уважали. Шли годы. Снова Тихон обратил внимание на девушку, когда учился в десятом. Около семиклассницы и отличницы Арины Бабичевой всегда крутились мальчишки. «Какая красивая дивчина», — подумал Тихон и вдруг под сердцем у него что-то екнуло. Он понял, что влюбился. С тех пор Тихон старался не выпускать ее из виду. Обратить на себя внимание помог случай.

Как-то летом в колхоз привезли студентов убирать помидоры и арбузы. Жили они в студенческом лагере за селом и часто навевывались в Калиновку. Однажды они заявили на танцплощадку. Группа из пяти подвыпивших студентов сразу обратила внимание на стройную смазливую девчонку и стала к ней приставать. Сначала Арине это льстило, но чем больше она с ними кокетничала, тем развязнее они себя вели. Тихон стоял за ограждением в темноте и все видел. Арина, прячась за спины танцующих, поспешила к выходу. Но ребята оказались ушлые и кинулись вслед за ней. Вот тут на их пути стеной встал он...

Потом Тихон долго лежал в больнице с сотрясением мозга. К нему каждый день приходила Аришка. Она садилась на стул рядом, брала его руку и держала в своих теплых ладошках до тех пор, пока медсестра не прогоняла девушку домой. С тех пор они не расставались. А когда Арине исполнилось восемнадцать, поженились.

— Тиша, ты где? — по дорожке, не торопясь, шла жена.

«Какая красивая! Ей уже тридцать восемь лет, а она становится все краше и краше», — успел подумать Тихон. Арина подошла к мужу, присела рядышком, прижавшись к плечу.

— Хорошо у нас, Тиша, — вдруг промолвила она. — С тобой хорошо!

Внезапно загремела щеколда калитки и в ее проеме показалась почтальонша Любаша.

— Хозяева! — закричала она, держа в руках толстый конверт. — Тихон Евсеевич, это вам, — протянула подошедшему Тихону. — Паспорт давайте и распишитесь.

— Паспорт тебе зачем?

— Письмо заказное, из Петербурга. Порядки такие!

Тихон с тревогой взял письмо, вскрыл. В нем лежали какие-то бумаги. Бегло оглядев, увидел в конце крупно написанную кругленькую сумму. У него затряслись руки:

— Любка, разберись, что это? Что-то ничего не понимаю. О деньгах каких-то там?!

Почтальонша внимательно прочитала аккуратно вложенные три красочных листа.

— О, Арина Петровна и Тихон Евсеевич, собирайтесь!

— Куда собираться? — встревожилась Арина.

— В путешествие! — засмеялась Любаша. — Родственник ваш оплатил проживание в отеле и билеты в С-Петербург, — она снова достала из конверта красивый лис-

ток и торжественно прочитала: «Людмила Игоревна и Юрий Дмитриевич Курбановы приглашают Арину Петровну и Тихона Евсеевича Перепелкиных посетить славный город С-Петербург, чтобы ознакомиться с его достопримечательностями и приятно провести время». Увидев застывшие лица Перепелкиных, расхохоталась:

— Бегите, чемоданы собирайте! Через три дня вылет!

ВСТРЕЧА ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

1

Рыже-красный шар выкатился из-за холма и, медленно поднимаясь по небосклону, окрасил все три окна вросшего в землю саманного дома в розовый цвет. В саду весело запели пичуги. Взлетев на изгородь, загорланил соседский петух. Матвей Егорович вышел на крыльцо, обвел взглядом свое нехитрое хозяйство.

— Пират! — громко позвал он.

Зазвенела цепь и из будки неторопливо вылез взлохмаченный пес. Он зевнул, потянулся и, виляя хвостом, подошел к хозяину.

— Спишь, шельмец! Старый стал, не дозовешься,— дед Матвей ласково потрепал собаку за холку.— Нынче жарко будет. Вишь, какое светило яркое. Сейчас покормлю тебя да водицы свеженькой налью. Смотри, бандит, не опрокинь, как в прошлый раз.

Накормив пса и насыпав корма курам, Матвей Егорович обрядился в привычную форменную одежду, взял ружьишко и отправился на обход своих владений.

Деда Матвея в Калиновке знали все. Здесь он родился, вырос, женился и составил семью. Его супруга — Анна Тимофеевна — слыла женщиной тихой и скромной. Прожили они вместе в любви и согласии лет пятьдесят, но детей так и не назвали. Сельчане уважали старика, хотя частенько добродушно посмеивались над его формой, принадлежавшей разным видам войск и эпохам. Женщины его побаивались, мужики — уважали. Умел дед дать дельный совет и словом присмирить любого, даже самого отъявленного сельского бунтаря.

Раньше Матвей Егорович работал счетоводом в колхозе, но в пресловутые девяностые хозяйство распалось, и он остался не у дел. Да и власти в селе тоже не стало. Достал он тогда с чердака старое отцовское ружьишко и стал охранять колхозную технику от непрошенных гостей. Вскоре такие объявились. Хотели приватизировать все, что осталось от советской власти, тем самым полностью разграбить колхозное имущество и разорить Калиновку. Но на их пути смело встал счетовод, так и убрался он восвояси ни с чем. С тех пор не выпускает дед Матвей ружье из рук. Следить за порядком в селе стало для него уже привычным занятием. А как старуху схоронил, так желание сидеть дома совсем пропало. В одном месте языком зацепится, поговорит с мужиками о жите-бытье, в другом остановится — и день прошел. Вот и сегодня, совершив привычный ритуал, решил еще в продмаг заглянуть, чтобы бабы сплетни послушать.

Вечерело. Потихоньку спадала жара. Весело зачирикали воробьи. Вдруг он заметил в кустах соседского одиннадцатилетнего мальчугана, целившегося из рогатки в юркого воробья, сидевшего на нижней ветке старого осокоря.

— Лешка, сорванец, ну-ка, поди сюда!

Лешка, поправив грязной пятерней непослушный чуб и подтянув сползающие штаны, доставшиеся ему по наследству от старшего брата, подошел нехотя, понимая, что эта встреча не сулит ему ничего хорошего.

— Ты чего ж озорничаешь? Воробей — это живая душа. Давай рогатку, я в тебя пульну,— дед строго посмотрел на мальчика.— От рук совсем отбился, мать не слушаешься! Утром она опять тебя костерила.

Мальчишка, шмыгнув носом, спрятал рогатку за спину.

— На кой ляд ты в соседский сад залез?

— За грушами,— на всякий случай плаксиво ответил он.— Я только две и сорвал.

— У вас же свои груши есть?! Чужие тебе зачем?

— У тетки Ганьки они вкуснее.

— Горе ты луковое! Вкус-не-е,— передразнил пацана.— Смотри у меня! Вот ружьишко солью заряду и пальну,— сняв с плеча берданку, застрасал дед.— Чтобы в следующий раз неповадно было по чужим садам лазить! Понял?!

— Угу,— торопливо ответил мальчуган, оглядываясь по сторонам и отыскивая короткий путь к спасению.

— Мать слушайся! Она из последних сил бьется, чтобы вас поднять, а ты ей одни неприятности приносишь. Отец утоп, теперь вы с братом вместо него! Иди уж,— примирительно произнес дед Матвей и, водрузив ружье на плечо, зашел в магазин.

2

— Матвей Егорович, по всему селу тебя ищут,— в магазин заглянула почтальонша Любаша.— Лешка Пегов сказал, что ты здесь.— Она протиснулась в дверь, придерживая ее одной рукой.— На, держи письмо!

— Откель? — удивился дед Матвей.— Лег сорок, как писем не получал. Неоткуда мне их ждать.

— С Ростова, от Н.Е. Парамонова.

— Парамонова, говоришь?! — еще пуще удивился старик.— Знать такого не знаю. Ты не перепутала чего?

— Нет! Тут написано Матвеем Егоровичем Матлахову, село Калиновка.

Дед Матвей взял красивый конверт в руки и стал внимательно вчитываться в строчки.

— Точно, адресовано мне от этого неизвестного Н. Е. Парамонова. Любка, очки дома забыл, ну-ка прочти, что этот Н. Е. от меня хочет.

Любка взяла конверт обратно и, вскрыв его, стала читать: «Здравствуй, Матвей! Еле нашел тебя. Наверное, удивлен моему письму, но прочти его до конца. Я Николай Егорович Парамонов — твой младший брат...»

Девушка удивленно посмотрела на Матвея Егоровича:

— Я и не знала, что у вас есть брат.

Матвей Егорович стоял, как вкопанный, не веря своим ушам.

— Брат, говоришь?! — и, собравшись с мыслями, добавил,— а что меня искать? Как жил в родительском доме, так и живу досель. Нашелся значить.

— Егорыч,— вступила в разговор Наталья Ивановна, женщина пятидесяти лет, проработавшая в этом магазине лет двадцать пять и знавшая все и про всех в своем селе,— неужто нашелся? Лет шестьдесят, поди, минуло, как он пропал...

— Шестьдесят четыре,— уточнил дед.— Дай, Любка, я дома дочитаю. Трясущимися от волнения руками он взял письмо и медленно побрел домой.

А по селу с быстротой молнии разлетелась весть, что у Егорыча нашелся брат, пропавший шестьдесят четыре года назад. Со всех концов Калиновки к его дому потянулись люди. Вскоре пришел и местный участковый.

— Матвей Егорович, рассказывай, что брат-то пишет,— участливо спросил Степан Александрович.

— Вот и пишет, что повидаться хочет.

— А где же он пропадал все это время? — пытаясь вывести старика на разговор, снова спросил участковый.

— В Ростове жил... Искал меня...

— Я слышал от родителей, что был у тебя брат, но в пятидесятых пропал, да вот запаматовал, как это случилось. Ты уж расскажи нам, что тогда произошло.

Дед Матвей горестно вздохнул, оглядел всех и начал рассказ:

«Отец вернулся с войны калеккой. Полступни миной оторвало. Сидеть дома не стал. Он до войны лесником был и снова пошел лес сторожить. Мама же в колхозе работала на элеваторе. В сорок шестом я появился. Через три года родился Колянька. А ранней весной в пятьдесят пятом на переправе через речку колхозная машина под лед ушла. В ней и мама наша была,— дед Матвей закричал, видно просто давались ему эти воспоминания.— Все спаслись, не глубоко было, но мама простудилась и заболела. Через две недели ее не стало,— старик смолк. Его плечи обмякли, голова склонилась и по щеке скользнула скупая мужская слеза.— Большенький я был, все запомнил. Горевал сильно отец, трудно нам жилось. А тут браконьеры в лесу объявились, косуль много забили и егеря местного убили. Видно, он их за охотой застал. Колхозный председатель милиционеров из города вызвал, а как они приехали, к нам пришел:

— Егор, помоги,— попросил он.— Ты лес хорошо знаешь, не справишься им без твоей помощи. Матвей уже большой, за Колей присмотрит, да и соседи помогут, не бросят детей одних.

Отец и повел их только ему известными тропами. Через трое суток вернулись милиционеры, да не одни. С собой привели троих, со связанными за спиной руками. Это были люди пришлые, не из нашего района: бородатые, грязные, со злыми глазами. Целый арсенал браконьерского оружия принесли. А вот отец не вернулся. Не появился он и на следующий день. Охотники с окрестных деревень собрались и группами пошли на его поиски и только на второй день нашли с пулевым отверстием в груди у пустующего кордона,— старик отсутствующим взглядом посмотрел на фотографии в деревянных незатейливых рамках на стене, а затем медленно перевел на ружье с кожаным ремнем, висящее на спинке кровати. Ружье — вот все, что осталось мне от отца.— В наступившей тишине раздался чей-то скорбный вздох, кто-то всхлипнул, а дед Матвей продолжал: — Меня соседи забрали, а за Колей приехали люди из города и отвезли в приют. Мал он был, не разрешили его в селе оставить, хотя мы очень просили. Как я чуть подрос, поехал в город за братом, но его в детском доме не оказалось. Мне сказали, что усыновили нашего Колюшу. Умолял их адресок дать — не дали. Домой вернулся, места себе не находил. Куда мы только с председателем нашим не писали, но отовсюду приходил ответ, что такой в городе не проживает. Лет сорок назад я снова пытался его найти, но безрезультатно. Не проживает, и все! Как в воду канул Николай Егорович Матлахов, а он, оказывается, теперь не Матлахов вовсе, а Парамонов, и живет не в Краснодаре, а в Ростове. Каким-то образом сам меня нашел и обещался на неделе приехать. Вот и весь мой рассказ»,— завершил дед Матвей.

— Нашим родителям досталась тяжелая доля. Страну они после войны поднимали, чтобы мы хорошо жили. Ну, Матвей Егорович, встретим вашего брата как положено, всем селом! — заключил Степан Александрович.

Через три дня Матвея Егоровича снова навестил участковый.

— Созвонился я с твоим братом, Егорыч! Он у тебя непростой человек. Сейчас на пенсии, а работал инженером-конструктором водного транспорта в одном КБ. Много лет тебя искал. Фамилию не помнил, так как маленький был, когда его в детский дом забрали. А вот имена запомнил, по ним и искал, да все безуспешно. А нашел случайно. Встретил он как-то своего однокашника. Предпринимателем тот стал, несколькими фермерскими хозяйствами владеет. Разговорились. И вот он и говорит Николаю Егоровичу, что не дает ему покоя одна встреча. В лихие девяностые он с компаньонами решил под Краснодаром землю скупить, а в одном, некогда богатом селе, хотели технику по дешевке забрать, да не вышло. Мужик решительный такой,

серьезный встал на пути. Что-то неуловимо-знакомое было в его движениях, голосе, походке, а главное — в чертах лица: «На тебя сильно похож. Знаю, что брата ищешь. Съезди туда, посмотри, авось, это он».

Вот так тебя и нашел. Николай Егорович скоро сам тебе все расскажет, готовься к встрече. Завтра приезжает.

К обеду все жители села собрались на небольшой площадке у сельсовета. В центре стоял дед Матвей в аккуратно отглаженном пиджаке, вынутым из шкафа по этому случаю. Подтянутый, строгий и внезапно помолодевший, он напряженно всматривался вдаль.

— Едут, едут! — увидев вдалеке машину, свернувшую на сельскую дорогу, закричали ребятишки.

— Е-ду-т! — разнеслось в толпе и затихло. Напряженная тишина повисла в воздухе. Белая «тойота» медленно въехала в село и остановилась возле собравшихся людей. Дверца открылась, и с заднего сидения машины вылез пожилой мужчина в дорогом твидовом костюме. Он оглядел встречающих и остановил взгляд на стоящем в центре Матвее Егоровиче.

— Глянь, как две капли воды! Как похож на нашего деда Матвея! — слышалось из толпы.

— И вправду похож! — шушукались сельчане.

Два пожилых человека шагнули навстречу друг другу.

— Ну, здравствуй, брат!

— Коля! — только и смог произнести Матвей Егорович.

Слезы застили глаза братьев. Обнявшись, не расцепляя рук, они так и стояли, словно боялись снова потерять друг друга. А на ветке старой липы, радуясь солнечному дню, весело расчирикался воробей. Вскоре эту песню подхватили его собратья, и разлетелась она по всем пределам Калиновки. Это была даже не песня, а торжественный гимн жизни на прекрасной и цветущей земле.

